

ние его внутренней красоты. В Бразилии «всё голубое» значит «всё хорошо».

Он откинулся в кресле.

Зоя Серафимовна сидела потупившись, бочком, куталась в платок.

— Я занят, занят, товарищи, — Пашков поршневым движением ладони как бы выжимал из кабинета входящих. Они топтались на пороге и уходили.

Пашков говорил медленно, раздумывая.

— Мало у нас в стране лазурита. Слюдянка на Байкале да ещё на Памире в горах нашли. Англичане обогащают афганский лазурит, из Бадахшана. Фирма «Ньютон» этим делом занимается. У них ещё есть лазурит из Анд. А мы работали с иркутским сырьём. Вы же видели — материал очень и очень неяркий, из полосы мраморов в докембрийских гнейсах, прорезанных пегматитовыми жилами.

Там, возле Байкала, в Иркутске когда-то жили Конкордия Ивановна и дядя Андрияша и друг их молодости Николай Охлопков, ставший знаменитым режиссёром.

Зоя Серафимовна, смущаясь, сказала сокрушённо:

— Совсем мало на Земле синего цвета. На востоке говорят: Аллах отдал небу весь синий цвет, всю синеву, а земле ничего не оставил. Я понимаю синий цвет, главный цвет, как жёлтый и красный. Оранжевый — как раз жёлтый с красным. Приблизим синий — получаем максимум напряжения! Приблизим, но не смешаем, иначе всё погибнет, цвет разрушится. Теперь приблизим сходные цвета, например, тёмно-синий и светло-синий, получим новый эффект. Контраст в интенсивности, а гармония — в однородности. Лучшие картины Делакруа писал, как он выражался, из головы! Он считал, что старые мастера брали не линией, а красочной средой.

Она провела пальцем по столу, как будто стирала пыль, и движение было совершенно девическим.

И тогда я прочитал «Синий цвет». Пашков слушал стихи, скрестив руки и опустив голову. Я взглянул на него — поймёт ли, что весь мир залит синевой, и в слезах плачущих родных на похоронах моих — синий цвет, и зимний дым

мглы над именем моим — синий, и как это по-грузински звучит — мглы-над-именем-моим...

Пашков ослабил галстук.

— Пастернак написал другие стихи, это не перевод. Для Бараташвили синий цвет недостижим, он только тянется к нему. Так Павел Лукницкий на Памире шёл по осыпям за лазуритом — ляджуаром — лаявартом — асмани. Ледник выносил обломки лазурита. Вверх, вверх — поднял голову и глазам не поверил — то ли небо,

Я КАК БУДТО УВИДЕЛ СИНИЙ ПЛАЩ МАДОННЫ ЛИТТА, И СИНИЙ ЦВЕТ БЫЛ ПОВТОРЁН В УЗКОМ ВЫСОКОМ ОКНЕ ДАЛЁКИМ ПЕЙЗАЖЕМ В ГОЛУБОЙ ЛЕОНАРДОВСКОЙ ДЫМКЕ

то ли камень синий, стена лазуритовая... У Пастернака весь мир погружён в синее. Впрочем, у Есенина и земля голубая, и песок небесный — «не видать конца и края, только синь сосёт глаза». Синий цвет везде. И всё же он недостижим. Я-то знаю, как выжимать ультрамарин из камня. Как Есенин ищет синий цвет — это тайна: «сирени шелест голубой, сад в голубых накрапах... май мой синий... июнь голубой...»

А я-то удивить хотел Пашкова — сужая в роговых очках, с зажимом для галстука; «Синий цвет» читал, формулу лазурита силится вспомнить!

— Вот он, ультрамарин, «свет такой синий, в эту синь и умереть не жаль...» И опять он уходит, растворяется — скользящее отражение, бесконечный мотив синего — блюз! Фонарик ультрамарина...

Пашков достал золотое паркерское перо и порывисто изобразил на бланке ажурный китайский фонарик кристалла ультрамарина — полость, окружённую тетраэдрами.

Было то короткое время зимних сумерек, когда снег за окном наливается синим цветом и отгораживает, отцветает...

— У цвета пигмента три константы, — говорил Пашков. — Цветовой тон с определённой длиной волны в миллимикронах, чистота тона и светлота тона, её ещё зовут белизной. Тон можно определить на колориметре, спектрофотометре, приборе Максвелла. Был у меня великий колориметрист Анохин, так он в миллимикронах цветовой тон определял. Его по приборам проверяли. Скажет — 465 миллимикрон. А по прибору — 467. Соколиный глаз, глаз — алмаз!

Пашков, кажется, проследил мой взгляд в окно, посмотрел на часы.

— Я тоже это время жду, когда синева наливается. Люблю смотреть на небо, на облака — волнисто-угасающие, лёгкие; как солнце просвечивает, расправляет их края — переливчатые.

Я посмотрел на Зою Серафимовну, в её туманные глаза, как будто вода в озере, когда нет ветра, и облака отражаются в воде. А если ветер — «заметался пожар голубой» — петельчато, ветвисто колышется вода...

— Зоя Серафимовна, — сказал Пашков, — у нас ведь осталась малая толика лазуритового концентрата. Реставраторам, поди, не всё презентовали. Мы порошок в Эрмитаж отдали (это ко мне). Они просили для «Мадонны Литта», для её синей мантии...

Эрмитаж? «Мадонна Литта»?

— Да, синий плащ Мадонны пострадал от ультрамариновой болезни. Молекулы краски распадаются.

И я как будто увидел синий плащ Мадонны Литта, и синий цвет был повторён в узком высоком окне далёким пейзажем в голубой леонардовской дымке. Синий плащ покрыт еле заметной паутиной трещинок, а в окне, если приглядеться, можно заметить инверсионный след от самолёта. Может быть, это облака? Младенец одной рукой сжимает мамкину грудь, а в другой руке — щеглёнок.

Я часто думаю о том...

*Я думаю: Мадонна Литта —
Она же просто мать с дитём,
Хотя, конечно, знаменита.
Она же смотрит на меня!*